

бую от него объяснения, на каком основании он дозволил себе такой поступок с людьми, совершенно не подлежащими его власти и почему он вместо исследования, которое могло быть предоставлено ему от начальства, приступил к наказанию.

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 869 (из дела попечителя Казанского учебного округа 1825, № 179).

238

Объяснение Н. И. Лобачевского на имя директора Казанского университета Т. Е. Любомирова по вопросу о наказании двух столяров
13 октября 1825

Господину директору Казанского университета

На запрос Ваш, почему велено было от меня наказать двух столяров, честь имею объяснить следующее:

Доносил я Вашему высокородию, что черной народ, бродя по парадной лестнице, по сродной своей глупости, ломает бронзовые украшения на решетке; с тем вместе объяснял я Вам, что самому подрядчику, которой ставил решетку, случилось застать семь человек, идущих с лестницы, из которых двое обрывали листы, в особенности один высокого роста, белокурой, в полушубке употреблял, казалось, для сего всю свою силу. Без отлагательства Вы изволили сделать распоряжение, чтоб предупредить такого рода поступки впредь и разыскать экзекутору, кто были виноваты. На другой день г. экзекутор, пересказывая Ваше приказание, спрашивал меня, что мне угодно? Ответом было: отыскать виноватых непременно и наказать для примеру другим. Еще прошел день, и ко мне прислан был унтер-офицер университетской команды со столяром, чтоб спросить меня, что делать с сим человеком, который не признавался в вине, хотя и был в числе семи. Подозревая одно упорство, я приказал задержать столяра; на другой день призывал к себе и услышал, что двое его товарищей Александр и Михайло, рабочие столяра Эренберга, что-то делали у решетки и за что на них кричал человек, случайно к ним подошедший. Задержанного отпустили и привели ко мне двух других, а вместе Головастиков, обвинитель, был призван. Я слышал улику с одной стороны, упорство с другой; осматривал попорченное и уверился, что это было намерением и с большим усилием. Приказал посадить обвиняемых под стражу; зашел к ним после и нашел их в глубоком сне, несмотря на то, что они привязаны были к стулу для острастки.

Полагая, что экзекутор предоставил мне розыск и наказание с Вашего на то согласия, увлеченный негодованием, я приказал их наказать палочными ударами; по их бодрости видел, что они издевались над строгостью моей; велел отпустить, после семидесяти, а может быть и сотни ударов каждому, не слыша от них признания. От Эренберга узнал я, что двое

виноватых живут у него еще недавно, около двух недель. От Шулера, товарища Эренберга, слышал я, что один из наказанных, тот самой, которой в особенности старался портить решетку, жил против него у другого столяра и замечаем был часто в буянстве.

Профессор Николай Лобачевский.

13-го октября
1825.

Пометы: «Получено 13-го октября 1825 года»; «№ 176»; копия с заверкою: «С подлинным верно: кандидат Тресвятский» и с пагинацией листов «5», «10» и «62», «63».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4689/5.

Изложено в статье Н. П. Загоскина «Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского)» в «Историческом Вестнике», 1900, № 9, стр. 865—867; Загоскин. История, IV, стр. 440—441.

239

Из донесения директора Казанского университета Т. Е. Любомирова попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому в связи с наказанием Н. И. Лобачевским двух столяров

20 октября 1825

Полицейская и нравственная часть, изъемя нарушение в оной поступком г. Лобачевского, исполняется в точности. Дневные приказы директора о неисправности по Университету, хотя и щекотливы для господ профессоров, но произведут большую пользу.

Случай г-на Лобачевского, о котором я с прежнею почтою имел честь донести Вашему превосходительству, в то время меня встревожил, и я долго не мог опомниться. Но, имея в виду Ваше великодушие и благосклонность к нам всем, и, наконец, думая, что это случилось с начала вступления моего в должность, и что более, когда я буду покороче известен по службе чиновникам, принадлежащим к университету, подобных неприятностей не случится, несколько успокоился. А ныне, еслибы поступок г. Лобачевского не обеспокоил Ваше превосходительство, я бы мог сделанный им беспорядок забыть, во-первых, потому, что г. Лобачевский, не дожидаясь моего замечания, с совершенным раскаянием приехал ко мне и усердно просил, чтобы я исходатайствовал ему прощение у Вашего превосходительства и сам бы его простил, и дотоле не хотел от меня выйти, пока я не обещался исходатайствовать ему прощение у Вас; а во-вторых, потому, что на г. Лобачевского доселе не поступила просьба ни в гражданскую, ни в университетскую полицию.

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 871 и 872 (из дела попечителя 1825 г., № 179).